

Беляева, Е.В. Современная нравственность как объект этики и социологии морали / Е.В. Беляева // Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Ведомости прикладной этики. Вып. 45 / Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. – Тюмень : НИИ ПЭ, 2014. – С. 95–107. – 0,6 а. л.

Беляева Е.В.

СОВРЕМЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЭТИКИ И СОЦИОЛОГИИ МОРАЛИ

УДК 17.023.4;
17.022.1

Аннотация: Современная нравственность может стать объектом трансдисциплинарного исследования в области социологии морали и этики. Для его реализации необходимо создать типологию исторических систем нравственности; построить концептуальную модель системы нравственности; исследовать ценностные ориентации и особенности нормативной регуляции с помощью социологического инструментария; сделать выводы на понятийно-категориальном языке этики.

Ключевые слова: современная нравственность, система нравственности, социология морали, этика, ценностные ориентации, нормативная регуляция.

Автор: Беляева Елена Валериевна, кандидат философских наук, доцент, Белорусский государственный университет (БГУ)

The title: MODERN MORALITY AS OBJECT OF ETHICS AND SOCIOLOGY OF MORAL

Abstract: The modern morals can become object of transdisciplinary research in the sociology of morals and ethics. For its realization it is necessary to create typology of historical systems of morals; to construct conceptual model of system of morals; to investigate value orientations and features of normative regulation by means of sociological toolkit; to draw conclusions on the conceptual and categorical language of ethics.

Key words: Modern morality, system of morality, sociology of moral, ethics, value orientations, normative regulation.

Author: Belyaeva Elena, Candidate of sciences (Ph. D) in Philosophy, Belarusian State University

В научных исследованиях существуют тематические поля, дисциплинарный статус которых остается непроясненным. Приятно было бы думать, что результатом этого становятся трансдисциплинарные усилия по решению насущных проблем. Однако двойственный статус предметной области становится не только источником новых достижений, но и новых затруднений. В частности, на изучение современной нравственности

нацелена, с одной стороны, этика, рассматривающая ее как элемент истории нравов, а с другой стороны – социология морали, для которой нравственность – один из параметров социальной системы в целом.

При этом социология морали за более чем сто лет существования оформила свой предмет, этика же не только слабо пользуется результатами социологических исследований, но не слишком успешно поставляет социологии морали теоретические концепты, на основе которых такие исследования стоит проводить. Этикам часто свойственны сомнения в самой возможности изучения морали методами социологии [4], ибо при этом можно выявить параметры морали как социального феномена, но нельзя постичь ее духовную сущность. История нравственности, а в особенности история современных нравов остается не слишком популярной областью для работы специалистов по этике.

Две дисциплины имеют общий объект, но разный предмет и методы его постижения. Предметная область социологии морали достаточно проработана и представлена в работах В.М. Соколова [13] и Т.Ю. Кирилиной [10], кратко ее специфика определяется словами «функционирование морали в обществе». Социология рассматривает мораль как неотъемлемую часть общественной жизни, мировоззрения социальных групп, деятельности социальных институтов. В плане методов социология морали, которая со времен Дюркгейма желает изучать «моральные факты», стремится к объективной фиксации морали «как она есть».

Этика же, наряду с социальными аспектами, видит в морали духовную сущность, значимость которой столь велика, что она не просто взаимодействует с прочими феноменами общественной жизни, но предписывает им идеалы должного, даже теоретическое построение в ней является мировоззренчески фундированным. Специфику этического подхода составляет не только его неустранимый нормативно-оценочный характер, но и представление о морали как самоценной и самодостаточной реальности, имеющей закономерности функционирования, не зависящие напрямую от социальных процессов, социальной принадлежности субъектов, их социальных действий. Для этики нравственность имеет самостоятельную историю и особые закономерности исторической динамики, подлежащие выявлению. Задача этики – показать, как в истории нравственности меняется категориальный ряд морального сознания, содержательное наполнение этих категорий, их соотношение между собой, композиция понятий морального сознания. Осмысление современной нравственности с помощью понятийно-категориального аппарата этики дает понимание ее природы и тенденций развития в ином по сравнению с социологией морали ракурсе.

Однако взаимодействие двух дисциплин неизбежно. Социологические исследования являются незаменимым инструментом изучения нравственного состояния общества, эмпирической основой этики, независимо от того, числить ли их разделом философско-этических знаний или отраслевой социологической дисциплиной [12]. Все это свидетельствует об обращении этики от умозрительных принципов к попыткам понять действующие

механизмы функционирования морального сознания. Этика, строя теорию морали и создавая «проекты правильной жизни» должна исходить из действительной нравственной практики людей в социальном контексте.

В то же время в социологии морали именно этика создает ту теоретическую площадку, на которой разворачивается применение методов социологии. Т.Ю. Кириллина, автор исследования о становлении социологии морали как специальной социологической теории, пишет: «учитывая, что этика как философская наука выступает методологической основой социологии морали, целесообразно выделить в структуре социологии морали следующие четыре уровня знания:

- общефилософский;
- уровень теоретической социологии;
- уровень специальной социологической теории – социологии морали;
- эмпирический уровень социологии морали» [9, 10–11].

При этом понятийно-категориальный аппарат первого уровня целиком задается этикой, на втором «механизмы и закономерности функционирования морали в обществе» также устанавливаются не без участия представлений этики об этих самых механизмах; на третьем – этика интерпретирует «взаимодействие морали с социальными институтами и социальными группами»; и на четвертом устанавливает те параметры морального сознания, нравственных отношений и действий, количественные значения которых изучает затем эмпирическое социологическое исследование. Таким образом, нравственный аспект социальных процессов фиксируется социологией в той понятийной матрице, которую задает та или иная этическая теория. В любом случае исследование нравственности методами социологии оказывается верификацией некоего теоретического представления о сущности морали и некой гипотезы о ее наличном историческом состоянии, т.е. является по существу этическим.

Объединение усилий этики и социологии в трансдисциплинарном исследовании предполагает решение следующих задач. Во-первых, для изучения современной нравственности необходимо расположить ее среди других исторических систем нравственности, т.е. создать их типологию. Во-вторых, со стороны этики необходимо представить некую теорию морали и построить концептуальную модель системы нравственности, подлежащей изучению. В-третьих, необходимо операционализировать содержание современной нравственности с помощью социологического инструментария, и, наконец, в-четвертых, сделать этические выводы из полученных данных.

Построение типологий систем нравственности позволяет познать историческое и социальное разнообразие нравственных представлений и моделей поведения. В противном случае все сводится к оценке происходящего в терминах «высокий уровень нравственности» – «низкий уровень нравственности». При такой позиции уровень непременно оказывается «низким», что свидетельствует об изначально оценочном подходе к материалу. «Падение нравов» представляет собой «объективную

иллюзию» морального сознания (по объективным причинам всем людям кажется, что рельсы у горизонта сходятся, хотя каждый знает, что это не так). Всеобщие сетования на безнравственность современной молодежи и людей вообще относятся к феноменологии нравов, но не должны быть основой социологии нравов. Например, у Л.А. Акимовой [2, 128–175] XX–XXI века целиком трактуются в терминах кризиса нравственного сознания. Однако рассуждения о кризисе предполагают, что у морального сознания существовало «докризисное», целостное, правильное состояние. Между тем мыслители предыдущего века также весьма скептически оценивали нравственность своих современников. Поэтому для социологии морали, да и для этики важно выяснить не то, «много» у респондентов нравственности или «мало», нужно характеризовать различные системы нравственности, постигать закономерности их исторической динамики, изучать соответствующие каждой из них проявления безнравственности.

Предлагаемые типологии во многом сами порождают те феномены, которые потом объявляются «моральными фактами». Мечты социологии о том, чтобы исследовать «мораль, как она есть», неосуществимы. Понятийные матрицы социологических исследований показывают свою мировоззренческую ангажированность, приверженность исследователей ко вполне определенным нравственным представлениям. При этом проблема не в том, что эти воззрения «определённые», а в том, что они эклектичны и не отрефлексированы. Часто социологический инструментарий оказывается ненадёжным, так как построен на основе традиционалистских представлений о природе нравственности и не содержит терминологического аппарата для осмысления новых моральных явлений современного общества. В частности, пресловутая «безнравственность» молодёжи отчасти связана с тем, что значимость классических этических проблем и традиционных ценностей для молодёжи относительно невелика, но это не значит, что у нее нет других моральных ценностей, которые не улавливаются исследователем. Не меньшие погрешности в исследование вносит и постклассическая методология. Предполагается, что современное западное общество находится в состоянии постмодерна, однако трудно определить, в какой степени его характеристики могут считаться реальностью, а в какой порождены специфической постмодернистской социологией [1]. Тем более сложно оценить, в какой степени применяемые ею методы годятся для анализа процессов, происходящих в обществах с высокой степенью традиционализма.

Однако, несмотря на теоретико-методологические трудности, в современной социологии сложился некий базовый подход к типологии систем нравственности, где исторические стадии развития морали одновременно предстают как ее типы. Речь идет о:

- традиционной – современной – постмодерной нравственности,
- естественной – рациональной – пострациональной нормативно-ценностной системе [3],
- традиционной этике – этике убеждений – этике ответственности [8].

Эти построения, с одной стороны, конгруэнтны общесоциологическим классификациям, восходящим к теории модернизации, а с другой, акцентируют этические характеристики соответствующих социальных систем. Одна из специфических черт исторической динамики нравственности состоит в том, что ее системы не сменяют друг друга, а сосуществуют. Кроме того, они образуют синкретические формы, в которых элементы противоположных систем нравственности образуют непротиворечивое единство. В результате можно наблюдать функционирование религиозно-традиционной, модерно-традиционной, неотрадиционной систем нравственности [5].

На основе дополнительности функционального и субстанционального подходов к пониманию сущности морали можно сказать, что система нравственности – это исторически определенное единство способа регуляции и нормативно-ценностной структуры. Эта структура давно и активно изучается социологией, а вот специфика способа регуляции, свойственного разным системам нравственности, почти не затрагивается. В первую очередь это происходит потому, что социология, рассматривая мораль как неотъемлемую часть социальных процессов, заинтересована не в выявлении такой специфики, а в действенности механизма социальной регуляции, в эффективности социального управления.

Между тем, моральная регуляция не только имеет особенности по сравнению с другими видами социального регулирования, но ее механизмы отличаются от одной системы нравственности к другой. Специфика способа регуляции определяется особенностями индивидуального и коллективного субъектов, характером их взаимоотношений, типом нравственного требования и типом санкции. Если целью социологического исследования современной нравственности являются рекомендации по ее совершенствованию, то надо уделять внимание не только содержанию моральных представлений, но и тому способу, которым это содержание становится действенным для субъекта. В синкретических системах нравственности ценности модерна могут продвигаться в рамках традиционных механизмов регуляции, и наоборот. Например, неотрадиционализм – это феномен современной нравственности, когда актуализация традиционных ценностей происходит с помощью современного и постмодерного способов регуляции.

О том, какие «количественные и качественные параметры основных элементов морали» [9, 11] способна зафиксировать современная социология, можно судить на основании исследований, проводимых академическими институтами социологии и вузовскими кафедрами.

Традиционными и наиболее распространенными являются исследования ценностных ориентаций различных социальных групп методом анкетных опросов. При этом предполагается, что эти ориентации суть не просто мнения, но мотивирующие поведение структуры. Собственно нравственные ценности в таких случаях часто не выделяются и располагаются в перечне прочих жизненных приоритетов. В то же время

проводимые на протяжении десятков лет лонгитюдные исследования позволяют делать умозаключения об общей динамике ценностного мира и месте моральных элементов в его структуре. Большую ценность представляют собой также кросскультурные исследования, позволяющие, сравнивая различные системы нравственности, выявлять их действительные параметры. Для белорусских исследований актуальным является сравнение, как с Россией, так и с другими географическими соседями: Польшей, Украиной, Литвой [6; 7; 17].

Например, реализация проекта «Исследование европейских ценностей» [17] показывает, что базовые ценности людей вообще мало меняются, это устойчивые образования, имеющие в силу всепроницающего характера нравственной регуляции нравственный аспект. Здоровье символизирует собой ценности самореализации и смысла жизни, так как потеря здоровья вызывает переживание жизненной заторможенности и отсутствия в жизни смысла. Ценность семьи косвенно показывает отношение к ней как к сфере нравственных обязанностей и нравственных чувств, где реализуются отношения любви и дружбы, сострадания, альтруизма и проч. Значимость работы в структуре ценностного мира отчасти говорит о состоянии трудолюбия. Место друзей в списке ценностей показывает значение дружбы и взаимопомощи и т.п.

Предлагаемые списки ценностей составляются исследователем на базе той системы нравственности, содержание которой он разделяет. Даже при наличии свободных ответов, матрица взаимосвязей между компонентами морали задаётся самим исследованием. Поскольку моральное сознание имеет свою логику, постольку нормы, ценности, мотивы и оценки образуют систему, характерную для данного типа нравственности. Двигаясь внутри такой матрицы, респонденты неизбежно следуют ее структуре и в результате подтверждают выдвинутые исследователем гипотезы. Несколько более корректные результаты дают исследования, в которых ценности располагаются в рамках какой-то шкалы: материальные – духовные, личные – общественные, материальные – постматериальные, терминальные – инструментальные, ценности традиции – ценности инновации. Однако сами эти шкалы реализуют представление об определенной социальной динамике и подспудно носят оценочный характер.

Еще одна трудность подстерегает исследователя при переносе теоретической модели и социологического инструментария из одного общества в другое. В частности, критерии общества модерна и постмодерна, материализма и постматериализма выработаны на материале западных стран. Применение этих критериев на постсоветском пространстве дает парадоксальные результаты. Например, в знаменитом исследовании Инглегарта по распространению постматериалистических ценностей Беларусь занимает место в середине списка (Финляндия – 33, Беларусь – 15, Китай – 7), в то время как отечественными социологами отмечается высокая степень традиционализма белорусского общества. Можно предположить, что в качестве «постматериалистических» (качество жизни, идентичность,

самореализация) были маркированы некоторые признаки традиционного нравственного сознания, которые на деле являются «доматериалистическими». Поэтому как теоретическая схема, так и эмпирические методы исследования при переносе на другую социальную почву должны преобразовываться. Наибольшую пользу для этики принесло бы исследование специфических моральных ценностей, исходящее из предпосылки, что, тематическая матрица морального сознания достаточно устойчива и характеризует основные нравственные отношения человека: к себе, к своей деятельности, к семье, к сообществу, к обществу в целом. Их содержательное наполнение, интерпретация и соотношение между собой, присущее различным системам нравственности, может быть эксплицировано и верифицировано в эмпирическом социологическом исследовании.

Нравственное сознание наших современников познается не только через описание их ценностной картины мира, но и посредством создания нравственных типологий личности. Несмотря на то, что социальный тип личности обусловлен ее принадлежностью к какой-либо реально существующей социальной общности, сами типологии создаются по самым разным основаниям. Т.Ю. Кирилина приводит более десятка разнообразных типологий, которые в той или иной степени были верифицированы в эмпирических исследованиях [9, 97–110]. К сожалению, среди них мало таких, которые построены по собственно этическим критериям, отражают принадлежность людей к различным системам нравственности. Часто они носят оценочный характер, как это было у Э. Фромма, выделявшего людей с «плодотворной» и «неплодотворной» жизненной ориентацией. Если выделяются такие типы личности как «гедонист» и «прагматик» [11], то с очевидностью создатель классификации актуализирует свои представления о безнравственном, противопоставляя этим типам человека, ориентированного на коллективистские ценности и приверженного общественным интересам.

На построение типологий личности по нравственным основаниям претендуют не только социологи, но и психологи. В этом плане выделяются работы А.А. Хвостова [15; 16], где в качестве основы типологии использовались только моральные ценности и категории «аморализма» (обоснования негативных форм поведения), а также так называемые моральные дилеммы. Такое выделение типа личности на основе характеристик ее морального выбора в большой степени отвечает природе морали.

Наряду с исследованием содержания морального сознания, социология, особенно в последнее время, обращается и к исследованию формы морали – способа регуляции. Моральная регуляция традиционно понимается как нормативная, и речь идет о механизме их вменения и реализации. Представления об этом можно получить, проводя исследования в нескольких направлениях. В одних вопросах респондентам предлагается выразить свое отношение к некоторым действующим в обществе нормам, в других – высказать степень доверия к тем социальным институтам, которые отвечают за нормативную регуляцию в обществе. Отдельную роль играет изучение

мотивации нормативного поведения людей, которая в морали имеет приоритетное значение.

Опросы, проясняющие отношение людей к моральным нормам, выявляют две разнородные проблемы. Одна из них – это изрядная аномия, присущая постсоветским обществам, слабость нормативной регуляции в целом, нежелание и неспособность людей реагировать на такой специфически человеческий регулятор поведения как моральная норма. Создается впечатление, что для изменения поведения необходимы не мотивы, а сильные стимулы материального и даже физического плана. Другая проблема, как и при изучении ценностных ориентаций – проблема того списка норм общественной морали, который предлагается в анкетах.

Чаще всего речь идет об отклонениях от традиционной половой морали (выясняется степень осуждения гомосексуализма, добрых половых связей, супружеской измены, аборта и т.п.) и отказа от социальной солидарности (определяется степень осуждения уклонения от уплаты налогов, нарушения правил дорожного движения, пользования незаслуженными льготами). При таком подходе мораль рассматривается не только как сфера межличностных отношений, но и как элемент социальных связей, как общественная мораль. Однако эти исследования не задаются вопросом о том, по какому критерию те или иные суждения отнесены к нравственным нормам. Почему, например, курение считается нравственным пороком, а не просто вредным для здоровья действием? Если предлагается выразить нравственное отношение к азартным играм, то подразумевается игра на деньги или игра в домино на досуге также должна быть нравственно осуждена? Кроме того такие социальные явления как неуплата налогов или за проезд в общественном транспорте, нарушение правил дорожного движения или пользование незаслуженными льготами расцениваются нашими соотечественниками как вопрос законопослушания, а не морали. В то же время в эти списки очень редко попадает ключевой нравственный вопрос славянского менталитета – это вопрос о взаимопомощи людей друг другу. Как показывают филологические исследования, именно бескорыстная помощь в трудной ситуации является главным критерием нравственности для человека, говорящего на русском языке [14]. Вместо этого социологи задают вопросы о готовности человека пожертвовать своими интересами во имя общественных. Неудивительно, что в постсоветских обществах на столь абстрактный вопрос большинство респондентов дает отрицательный ответ. Люди не забыли, что их готовность жертвовать собой скорее всего приведет к тому, что кто-то пожертвует ими ради собственных интересов. Поэтому проблемное поле норм общественной морали нуждается в серьезном этическом обосновании.

Для изучения механизмов моральной регуляции применяются также опросы о степени доверия людей к тем или иным социальным институтам, деятельность которых, с одной стороны, свидетельствует о нравственном благополучии общества, а с другой – обеспечивает это благополучие. Институт семьи является колыбелью формирования нравственных

ценностей, а потому устойчивость и здоровье этого института косвенно свидетельствует о нравственном здоровье общества. Успешное развитие трудовой деятельности и ее мотиваций косвенно говорит о значимости такой нравственной установки как трудолюбие. Степень уважения населения к армии и государству отчасти показывает уровень патриотизма.

Для анализа общественной морали можно использовать и так называемую моральную статистику. Вернее было бы сказать «аморальную статистику», так как в качестве фактов фиксируются именно нарушения общественной морали, в то время как соблюдение нравственных норм считается «нормальным» и не фиксируется. Количество массовидных аморальных поступков (самоубийств, преступлений против личности, проституток и наркоманов) конечно показательно. Рост числа самоубийств свидетельствует о социальном неблагополучии, однако этическая интерпретация этого факта вовсе не очевидна. Свидетельствуют ли самоубийства о безнравственности общества, доводящего людей до суицида, о безнравственности самих самоубийц или они происходят по причинам к морали не относящимся? Точно также, есть данные о том, что число преступлений в мире вообще растет, в том числе во вполне благополучных странах, и этот рост не поддается однозначному объяснению, поэтому динамика преступности и динамика нравственности не до конца совпадают по смыслу.

Итак, современная нравственность выступает объектом внимания, как этики, так и социологии морали. Теоретические и методологические трудности, с которыми сталкиваются трансдисциплинарные исследования при подготовке проектов и интерпретации их результатов, не понижают их важности. Они позволяют этике быть практически значимой, а социологии – видеть нравственное измерение социальных процессов.

Список литературы

1. Абушенко В.Л. Социология в контексте постмодерна // Социология. 2000. № 4. С. 32–36.
2. Акимова Л.А. Введение в социологию морали. М.: МГУКИ, 2008. 210 с.
3. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 8–20.
4. Батыгин Г. С. Как невозможна социология морали [Электронный ресурс] // Прометей. Публичная электронная библиотека. 2014. URL: <http://books.prometey.org/read/14/13688.html> (дата обращения: 08.11.2014).
5. Беляева Е.В. Выбор между традицией и модерном не есть нравственный выбор // Ведомости. Вып. 38 / под. ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2011. С. 12–24.

6. Грибов Г.М., Грибова И.Г. Ценностные ориентации студенчества: по материалам сравнительного конкретно-социологического исследования [Электронный ресурс] // Сотрудничество Беларусь – ЕС: наука и культура: [сайт]. 2014. URL: http://www.philosophy.by/belarus-eu/a_385_r.html (дата обращения: 20.11.2014).
7. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье : колл. монография / Е.С. Мурадян [и др.]. Вильнюс: ЕГУ, 2014. 366 с.
8. Зарубина Н.Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности: трансформации нравственной позиции российской молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 92–108.
9. Кирилина Т.Ю. Социология морали. М.: ИНФРА-М, 2014. 189 с.
10. Кирилина Т.Ю. Становление социологии морали как специальной социологической теории. М. : ГОУ ВПО МГУЛ, 2009. 264 с.
11. Парамонова С.П. Динамика морального сознания (введение в социологию морали). Пермь: ПГТУ, 1997. 223 с.
12. Соколов В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? // Социологические исследования. 2004. № 8. С. 78–88.
13. Соколов В.М. Социология нравственного развития личности. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1986. 239 с.
14. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 842 с.
15. Хвостов А.А. Онтогенез морального сознания: от подростков до студенческой молодежи // Развитие личности. 2000. № 3–4. С. 75–100.
16. Хвостов А.А. Типология морального сознания студенческой молодежи // Развитие личности. 1999. №3. С. 121–151.
17. Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / под ред. Д.М. Булышко, А.Н. Данилова, Д.Г. Ротмана. Минск: БГУ, 2009. 231 с.